

Устав от многолетнего противостояния и притеснений как со стороны империи Вальдрант, так и со стороны храма Сидуса, жители Нордванта в конце концов были загнаны в угол на севере. Ходила молва, что смотреть на лица нордвантов было труднее, чем на лица императорской семьи. Вот так их былая слава и почет канули в Лету, и не осталось никого, кто мог бы их узнать.

Однажды нордвантский аристократ воскликнул: «Посмотри, к чему привело то, что его оттеснили на север, отец! Как смеет этот ничемный бесплодный человек насмехаться над Нордвантом? А принц Джозеф даже не попытался остановить! После того, как мы две тысячи лет охраняли север, нас еще и так оскорбляют? Мы хуже сторожевых псов!»

За несколько сотен лет, прошедших с тех пор, как народ Нордванта загнали в угол на севере, их влияние в регионе лишь возросло. Маркграфов здесь почитали даже больше, нежели императора Вальдранта или понтифика Сидуса.

Вернер и Роэнгрин с детства привыкли к столь благоговейным взглядам и воспринимали их как должное. Однако, когда они вошли в светские круги столицы Берн, взгляды этих людей были им совершенно незнакомы.

Замешательство, сомнения, презрение, настороженность, насмешки...

И причиной всех этих реакций было глупое невежество. Вернер и Роэнгрин были возмущены положением Нордванта в империи, с которым они столкнулись не понаслышке. Отчасти они могли понять реакцию других, но невежество было тем, с чем они не могли мириться.

Как они могли ничего не знать? Кто, по их мнению, позволял им жить в тепле и уюте? Пока они крепко спали в своих постелях, жители Нордванта лишались глаз, рук и жизни.

Убедившись в их невежестве, Роэнгрин и Вернер заключили пакт друг с другом, дабы изменить отношение знати из центрального региона. Если раньше они посещали банкеты всего один или два раза в год, то теперь они стали чаще быть на подобных мероприятиях, обмениваться подарками с другими людьми и начали налаживать отношения.

Помолвка Вернера с Аделаидой Дорн и Роэнгрин с Дитрихом Гидеоном также были частью этой стратегии. Однако теперь их отношения с Гидеоном изменились. К кому им следует обратиться сейчас? Был ли кто-нибудь, к кому они могли бы обратиться?

«!...»

Стоящая Роэнгрин, прислонившись к эркеру, погруженный в свои мысли, внезапно подскочила от неожиданности. На кольцо, которое она вертела в руках, появилась небольшая трещина.

Это было необычное кольцо. Это был священный предмет, который ее дядя по материнской линии Концерто лично создал, наполнив своей божественной силой, чтобы жрецы Сидуса, разбросанные по всей империи, не заметили огромной силы Роэнгрин.

Когда оно сломалось? Могло ли это быть... Роэнгрин прикусила губу и вспомнила лицо мужчины, которого встретила днем. Многозначительный взгляд и улыбка Карлайла Ансгара.

Мог ли он заметить? Нет, тогда кольцо, возможно, было целым. Больше всего она разозлилась, когда столкнулась с Дитрихом. Даже если бы оно разбилось раньше, обычный человек ничего бы не почувствовал. Но могла ли она на самом деле быть уверена, что Карлайл — обычный

человек?

Роэнгрин, крепко сжимавшая сломанное кольцо, глубоко вздохнула. Какой жалкой она выглядела, стоя глубокой ночью у окна и переживая в полном одиночестве.

Завтра ей придется написать дяде и подготовиться к выговору. Роэнгрин прислонилась головой к оконной раме и рассмеялась над собой.

** *

—Неужели из благородных домов по-прежнему нет вестей?

—Ничего о Нордванте или Гидеоне, нет.

—Ничего?

В ту ночь, когда он неожиданно столкнулся с леди Роэнгрин, Карлайлу было доставлено секретное донесение. Леди Роэнгрин появилась в тайной резиденции незаконнорожденного ребенка, которую Дитрих Гидеон спрятал в шестом округе Берна.

Так вот почему она внезапно появилась в Берне? Он посмеялся над тем, как быстро она все узнала, но...Карлайл сразу же обратил внимание на передвижения Нордвант. Ему нужно было заполучить эту информацию до того, как она дойдет до Бертольда.

—Вообще ничего, все совершенно спокойно.

—Это странно.

Эти упрямые люди ни за что не стали бы мириться с существованием незаконнорожденного ребенка. Они бы либо убили ребенка, либо притащили юного герцога за волосы в императорский дворец и объявили о расторжении помолвки. В любом случае, они вызвали бы огромный переполох.

Однако...

О чем они только думают?

Маркграфа все еще отсутствовал в Берне, так что о нем не могло быть и речи, но нордвантка в особняке вела себя необычно тихо. Карлайл с непроницаемым выражением лица вертел ручку в руке.

Это было не то, чего он ожидал. Гидеона и Нордванта нужно было разлучить, чтобы он мог загнать Гидеона в угол еще больше. Второй принц Джозеф был свергнут, и эти дураки не могли отпустить теперь уже бесполезного человека...

Тц, Карлайл прищелкнул языком и пролистал лежащие перед ним документы. Это был отчет, который Михаэль представил сегодня утром.

—В любом случае, давайте пока оставим это. Что насчет этого?

Михаэль, который все это время был погружен в бумажную работу, глубоко вздохнул.

—Лишь горстка людей имеет доступ к ее личному пространству, и она почти ничем не занимается вне дома. Ее охрана настолько тщательна, что даже вороны, которые попадают в ее

святая святых, бледнеют при одном упоминании слова «леди».

Вороны имели в виду разведывательную организацию, возглавляемую Карлайлом. Миаэль тихо добавил:

—Кроме шести человек, имеющих доступ, если кто-нибудь хотя бы заглянет в ее спальню или личный кабинет, сэр Вернер лично...

Он провел рукой по шее. Карлайл перевернул бумаги, чтобы узнать, кто были эти шесть человек, и прищелкнул языком.

—Похоже, от них ничего не удалось добиться. Что насчет их передвижений?

—Записи за неделю до ее появления в Берне подозрительно подробные и точны по сравнению с обычными. Однако, это всего лишь предположение. Также...

Пока он колебался, глядя в потолок, Карлайл кивнул, как бы приглашая его говорить. Михаэль застонал и спросил: «Нам действительно нужны конкретные доказательства? Все было бы по-другому, если бы это была любая другая семья. Однако "Сидус" без колебаний начал бы расследование в отношении "Нордванта", если бы вы дали показания.

—Михаэль, что мне сейчас больше всего нужно?

—...Признание и нотариальное заверение «Сидуса».

—Все верно. Зачем мне обвинять "Нордвант" перед "Сидусом"?

Михаэль, все еще выглядевший смущенным, уставился на него.

—Ты стал болваном от работы по дому, Михаэль.

—Но почему? Мы могли бы просто запросить нотариальное заверение при условии, что мы передадим секреты Нордвант и дадим показания.

—Если я сделаю это и стану герцогом, кто будет стоять за мной?

Михаэль, который думал о том, кого бы привести, сглотнул.

—Бессильный Ансгар? Предатель Арнонкур? Имперские псы? Как на них можно положиться? По сравнению с ними, каков Нордвант? А как насчет сил, которые, естественно, последуют за мной, если я надену им на шею поводок?

Карлайл с ухмылкой откинулся на спинку стула.

—Кто бы это ни был, мы можем красиво завернуть Нордвант и передать ее священникам. Мне нужно крепко держать ее в руках и использовать как можно больше.

—Архиепископ Концерто — близкий родственник Нордванта, поэтому он также мог бы заверить это у нотариуса. Это, безусловно, было бы выгоднее, но...

Михаэль нахмурился, повертел документы в руках и пробормотал:

—С такой тщательной осторожностью будет трудно найти доказательства.

—....

Карлайл, глубоко погружившийся в свое кресло, закрыл глаза и умолк. Он постучал ногой, собираясь с мыслями, затем открыл глаза и оперся подбородком на руку, лежащую на подлокотнике.

—Расширь кругозор. Сосредоточьтесь на шести людях, которые имеют доступ к леди Роэнгрин, их семьях, рыцарях Нордванта, слугах в их доме и в Бернском особняке, а также на всех, с кем они общались, и на местах, которые они посещали...

Когда Карлайл давал свои указания, он внезапно вспомнил о чем-то, поднял глаза и спросил:

—Разве ты не говорил, что в Берн приехали три человека? Леди Роэнгрин, ее служанка и сопровождающий рыцарь?

Михаэль кивнул в знак согласия, и его янтарные глаза сузились, а на губах появилась слабая улыбка.

—Изучи рыцаря сопровождения и капитана рыцарей еще более тщательно. Горничная будет с ней весь день, так что толку от этого будет немного, и я уверен, что она совершила бы ошибку, если бы рыцари сопровождали ее.

** *

Роэнгрин была прикована к постели с того самого дня, как она организовала свое путешествие из Нордванта в Берн вместе с Гертой и Ульрихом. Духи, которых она вызвала тем утром, остались у ее постели после получения известия о сломанном кольце. Архиепископ Концерто, который пришел, чтобы сделать ей резкий выговор, вместо этого был обеспокоен ее состоянием.

Когда ей, наконец, удалось встать с постели, прошла уже неделя. Это был первый раз, когда она была так серьезно больна с лета, когда ей исполнилось 19 лет. Открыв глаза, она была занята еще целую неделю, не давая себе ни минуты отдыха.

Она дала указания по уборке особняка, разослала письма своим знатным знакомым и с помощью Герты и Ульриха подготовилась к процедуре расторжения брака.

«Я узнал об общей ситуации от Гюнтера. (Ты, должно быть, строго-настрого запретила кому-либо говорить об этом, но, пожалуйста, не делай ему выговора) Он сказал, что молодой герцог Дитрих внезапно появился и исчез, пока меня не было, и атмосфера была не из приятных. Гюнтер сказал, что больше ничего конкретного вспомнить не может. Гидеон, случайно, не выдал чего-нибудь, что задело твои чувства? В любом случае, я рад, что ты поправилась. Я услышу всю историю, когда приеду в Берн. Вероятно, ты получишь это письмо послезавтра...»

Роэнгрин полулежала на диване, запоздало перечитывая письмо отца.

Тишину нарушил стук в дверь, и она слегка нахмурилась.

—Миледи Роэнгрин, я прошу прощения за свою грубость. Это срочно.

Это был голос Герты. Роэнгрин выпрямилась и обернулась.

Лицо Герты было необычно взволнованным. Ее щеки пылали, как будто она бежала. В руке

Герты, прижатой к груди, был скомканный конверт от письма.

—Это, ну...

Прежде чем Герта успела договорить, Роэнгрин выхватила у нее конверт. На конверте было написано имя Ульриха Леннарта.

В данный момент она следила за передвижениями любовницы Дитриха и ее ребенка по особняку.

<http://tl.rulate.ru/book/105265/4108532>